
Собрание сочинений в девяти томах

М., "Художественная литература", 1979

Том четвертый. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 - март 1842

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Всем ученым и образованным людям ведомо, что словесность, то есть литература, должна иметь целию - поучать, услаждая {1}. Покойный Мерзляков, великий знаток и учитель по части изящного, даже перевел (и прекрасно), кажется, из Тасса, чудесные стишки на этот счет;

Так врач болящего младенца ко устам
Несет фиал, сластями упитан по краям:
Счастливец обольщен, пьет горькое целенье,
Обман ему дал жизнь, обман ему спасенье! {2}

Другими словами: литература есть искусство "золотить пилюли". Мораль - дело хорошее, спору нет, но и скучное, горькое - против чего опять никто спорить не будет; следовательно, надо же ее подслащать, рассычать, чтоб она достигала своей цели, то есть исправляла нравы, делала дурака умным, пьяницу трезвым, взяточника и . казнокрада - бескорыстным, бездарного писачу отучала от пера, ябедника и клеветника от ложных доносов...

Далее, всей просвещенной Европе известно, что "идеал есть не что иное, как собрание в одну фигуру разных черт, разбросанных в природе и действительности, - а отнюдь не сама действительность в возможности. Творчества тут не нужно: хотите изобразить красавицу - приглядывайтесь ко всем красавицам, которых имеете случай видеть; у одной срисуйте нос, у другой глаза, у третьей губы и т. д. - таким образом вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти определения - "литературы" и "идеала" - чрезвычайно основательными и верю им безусловно. Особенно хороши они тем, что, во-первых, избавляют автора от необходимости иметь талант и фантазию, а во-вторых, уничтожают возможность писать такие изображения, в которых всякий, кто б ни был, мог узнать себя и вследствие этого жаловаться на личности...

Само собою разумеется, что этот взгляд на "литературу" и "идеалы" особенно удобен для "типов" вроде тех, которые теперь известны под именем "Наших" {3}. Гоголь сказал великую правду, что "у нас если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет" {"Современник" 1836 года, т. III, стр. 60.} {4}. Поэтому я нахожу гораздо приличнее и удобнее изображать такие типы, которых совсем нет в действительности, но которые были бы очень смешны: чрез это автор достигнет двух целей разом - доставит удовольствие своим читателям и никого не обидит.

Вот причины, которые заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сделать очерк одного из таких педантов, которых нет и быть не может, но которые могут существовать в праздном воображении человека, подобно мне имеющего свободное время для бумагомарания. Если мой педант не рассмешит вас и не доставит вам удовольствия - это обнаружит только мое неумение и мою бесталантность. Я нарочно взял предмет для типа из такой сферы, которая у нас не представляет собою ни сословия, ни касты. Все эти мои оговорки приистекают из рокового предчувствия, что мой тип, вместо улыбки, возбудит в вас зевоту, вместо того чтоб рассмешить, усыпит вас; ибо - признаюсь вам - я не слишком-то полагаюсь на свой талант по части типов... "Так зачем же беретесь?" - скажете вы. Во-первых, хочется попробовать - "авось-либо" - великое слово для русского человека, который многое делает на "авось"; потом, неотвязчивые просьбы приятелей: "Вы-де знаете педантов и можете их изобразить; теперь-де типы в моде, наши в ходу; да кто вам сказал, что вы не можете? вы человек с дарованием"... Что будешь делать! Вы не знаете, что это за народ - мои приятели! Как пристанут - непременно уговорят; станут вам доказывать, что вы человек с дарованием, - право, сочините роман, хотя бы всю жизнь занимались